

Ангела Меркель и последний шанс для Европы

© Пименова Е. В.

© Pimenova E.

Ангела Меркель и последний шанс для Европы Angela Merkel and the last chance for the Europe

Аннотация. Проанализированы предлагаемые лидерами стран—членов Европейского Союза и его брюссельским руководством сценарии выхода из системного кризиса ЕС, охватывающие внешне- и внутривнутриполитические, а также миграционные аспекты. Основная нагрузка по преодолению этих проблем лежит на Германию как ведущую европейскую экономику. Особая роль в этом смысле отводится выигравшей борьбу за канцлерский пост Ангеле Меркель. Однако неясно, возможна ли эта реформа в принципе. Ведь речь идет о глубинных трансформациях общественно-политических процессов в Европе, а нынешние европейские лидеры ищут ответ на вызовы времени в сценариях прошлого.

Annotation. The article analyzes the scenarios proposed by the leaders of the member states of the European Union and its Brussels leadership to overcome the systemic crisis which the EU faced some years ago. This crisis embraces external, internal, as well as migration aspects. At the same time, the main burden for a comprehensive overcoming of these problems will lie on the Germany as the leading European economy. A special role in this sense is given to the winner of the fight for the Chancery for the next four years, Angela Merkel. However, an unequivocal answer to the question whether it will be possible for it to make its decisive contribution to the EU reform is not. After all, apparently, we are talking about deep transformations of socio-political processes in Europe, and current European leaders are looking for an answer to the challenges of time in scenarios of the past time.

Ключевые слова. Европейский Союз, реформа, Эммануэль Макрон, национализм, миграция, Ангела Меркель, выборы, Жан-Клод Юнкер.

Key words. European Union, reforms, Emmanuel Macron, nationalism, migration, Angela Merkel, elections, Jean-Claude Juncker.

«**В**ероятнее всего, лишь наши внуки пожнут плоды, семена которых мы сажаем сейчас». Эти слова в 1957 г. произнес немецкий канцлер Конрад Аденауэр перед подписанием Римского договора о создании Европейского экономического сообщества.

Сегодня впору задаться вопросом: какие же плоды пожинаяют европейцы теперь? И к чему пришла единая Европа?

Нынешний год смело можно назвать новой точкой отсчета для Европейского Союза. Он столкнулся не просто с очередным витком кризиса, а с системным сбоем. Под ударом сама базовая идея европейского единства, заложенная Римским договором, и опасность угрожает сразу с нескольких сторон.

Волна мигрантов с Ближнего Востока и Северной Африки испытывает на прочность принцип прозрачности и открытости границ внутри Шенгенской зоны. А поиск единого европейского решения проблемы, которая касается практически каждой страны ЕС, обернулся провалом.

Серьезный вызов брошен принципу трансатлантической солидарности, который с 1945 г. служил для Западной Европы одним из ключевых факторов, цементирующих существующий миропорядок.

Наконец, на политическую сцену прорвались крайние евроскептики, ратующие за «Европу национальных государств» и до недавних пор считавшиеся абсолютными маргиналами. Они оказались буквально в шаге от высших государственных постов.

К этому стоит добавить выход из «европейской семьи» Великобритании и всплеск регионального сепаратизма — от Каталонии, Шотландии, северных провинций Италии до бельгийской Фландрии.

На 2017 г. выпали основные электоральные кампании в ряде ключевых стран ЕС: Австрии, Нидерландах, Франции и Германии. Их итоги изменили привычный политический ландшафт и поставили перед пришедшими к власти политиками экзистенциальный вопрос: куда идет Европа, и как ей жить дальше? И для ответа у них остается лишь несколько лет.

Естественно, что основной ответ традиционно ожидают от Германии и от уже в четвертый раз подряд выигравшей выборы Ангелы Меркель. За эти годы она приложила все усилия, чтобы в мире ее воспринимали как «гаранта европейской стабильности». Теперь у нее последний шанс попытаться реформировать Европу в условиях трех параллельно протекающих системных кризисов — внешнеполитического, миграционного и внутреннего.

«Основать новую Европу»: кризис стратегии развития

Одна из основ существования мирной и единой Европы с 1945 г. — трансатлантическая солидарность — начала давать трещину с победы Дональда Трампа. Он сразу пригрозил Берлину увеличением ввозных пошлин на немецкие автомобили, раскритиковал миграционную политику Меркель, поставил под вопрос лелеемое предыдущей американской администрацией соглашение о трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП). Затем он стал добиваться того, чтобы все государства — члены НАТО повысили свой взнос до 2% ВВП (пока только пять стран из 29 — США, Греция, Польша, Эстония и Великобритания — выполняют это условие).

С каждой новой внешнеполитической инициативой республиканца европейские элиты все яснее понимали, что в его лице они не найдут того партнера и «старшего товарища», которого привыкли видеть в хозяевах Овального кабинета с первых послевоенных лет.

Последней каплей стало июньское решение главы Белого дома о выходе США из Парижского соглашения по климату. Стало окончательно ясно, что «тихо переждать» Трампа не получится, и Меркель публично объявила о том, что «США перестали быть надежным партнером, а Ев-

ропа должна взять свою судьбу в свои руки». Заявление, о котором европейский (тем более немецкий) политик такого уровня еще год назад и помыслить не мог!

Это произошло накануне выборов в немецкий парламент, и Меркель воспользовалась этим, чтобы предстать в глазах избирателей и европейского политикума в образе «хранительницы прежней Европы». После президентских выборов во Франции у нее появился союзник — молодой и амбициозный Эммануэль Макрон. Кстати, и свой первый зарубежный визит он нанес в Берлин, где был очень тепло принят главой правительства ФРГ.

Меркель и Макрон даже заявили, что грядет «новое основание Европы», и договорились о создании «дорожной карты» реформирования ЕС. А их тандем СМИ окрестили конфетным названием «M&M's» [9].

В последнее время эксперты и политики все чаще сходились во мнении, что Европе нужно «меньше Европы»: постепенно снижать централизацию политических процессов при сохранении выгод и преимуществ экономической интеграции.

Пока в Париже и Берлине лишь размышляли о том, чем наполнить «дорожную карту» по обновлению ЕС, председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер представил свою версию реформ. 13 сентября в рамках своего ежегодного выступления перед Европарламентом он оптимистично констатировал, что «в паруса Евросоюза вновь подул ветер» [5]. И предложил — в противовес идее ослабления роли Брюсселя в европейских делах — еще больше централизовать ЕС.

В частности, Юнкер заявил, что в ближайшей перспективе следует объединить посты председателей Европейского совета и Еврокомиссии. Помимо этого, в рамках ЕС необходимо учредить должность европейского министра экономики и финансов. И главное — к 2025 г. должен сложиться полноценный Европейский оборонный союз. Таким образом, речь идет о максимальной концентрации финансовых, военных и политических полномочий на наднациональном уровне.

Параллельно с Юнкером свой сценарий для будущего Европы готовил и Макрон. За несколько месяцев пребывания у власти он успел войти во вкус, предлагая международному сообществу громкие внешнеполитические инициативы — то по Донбассу, то по примирению в Ливии и теперь по обновлению ЕС.

Стремясь закрепить реноме «президента-реформатора», он воспользовался моментом, когда его главному визави и союзнику в вопросе реформы ЕС — Ангеле Меркель — было не до воззваний. Она была занята исключительно германскими выборами, осмыслением их не самых радужных для ее партии итогов и трудными переговорами с непредсказуемыми партнерами по новой правящей коалиции.

26 сентября Макрон выступил с двухчасовой речью в Сорбонне, где и представил свой предварительный план, заметив, что уже заручился поддержкой 22 стран—членов ЕС. По его задумке, «переучреждение суверенной, объединенной и демократической Европы» — это, главным образом, ответ на выход Великобритании из ЕС [7].

Концептуально «план Макрона» полностью выдержан в духе идей Юнкера. Одними из первоочередных задач должны стать создание единого Европейского управления по делам беженцев, а также отработка эффективного механизма финансирования общеевропейской программы по интеграции мигрантов. С решением миграционного вопроса увязана необходимость увеличить выплаты на проекты развития Африки.

Глобалист Макрон, проработавший несколько лет в транснациональном банковском холдинге, предложил Европе «продвигать свое видение глобализации». Хотя это традиционный для французской политической мысли тезис — в Париже исторически не любят англосаксонское понятие «глобализация» и противопоставляют ему франкоцентричный «мондиализм».

Следующий шаг — формирование европейской пограничной полиции. Правда, не ясно, что Макрон намерен делать с существующим без малого десять лет агентством Frontex, которое контролирует внешние границы ЕС.

Как и председатель Еврокомиссии, французский лидер убежден, что Европе нужен общий министр финансов, а кроме того — единая оборонная доктрина, единый оборонный бюджет и единое военное подразделение.

Говоря о европейской армии, Макрон и Юнкер фактически дали второе рождение инициативе премьера Четвертой Республики Рене Плевена. Тот еще в 1950 г. предложил концепцию создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) как наднациональной организации с объединенными вооруженными силами, общими органами управления и единым бюджетом. Вошли в него шесть стран: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Договор был подписан 27 мая 1952 г., но так и не вступил в силу. Заблокировал этот документ, как ни парадоксально, французский парламент. Слишком опасались тогда в Париже возрождения полноценной немецкой армии, без которой оборонительное сообщество было бы невозможным.

После провала договора о ЕОС функционал «единого оборонительного штаба», но опять лишь на бумаге, перешел к Западноевропейскому союзу (ЗС). Он был создан в 1948 г. для организации системы «коллективной обороны». Но уже через год инициативу контроля вооружений и оборонительной политики в Европе перехватила НАТО во главе с США. ЗС незаметно просуществовал несколько десятилетий и тихо прекратил свою деятельность в 2010 г., будучи все эти годы номинальной структурой.

Идея объединенных вооруженных сил Европы периодически реанимировалась. В 1999 г. был даже создан военный штаб ЕС и сформированы боевые тактические группы. Сегодня создано около двух десятков таких групп численностью в пару тысяч военнослужащих каждая. Эти силы можно развернуть в любой точке мира по решению Совета ЕС.

А в 2003 г. Германия, Франция и Великобритания предприняли еще одну попытку создать европейский «генеральный штаб». Но этот замысел ограничился лишь формированием европейских сил быстрого реагирования (за создание которых Европарламент проголосовал только спустя шесть лет — в феврале 2009 г.). Речь идет о подразделениях Eurocorps и EUFOR. На деле же эти немногочисленные группы сосуществу-

ют, дублируя друг друга в крайне сложной и раздробленной организационной схеме. И участвуют в операциях НАТО наряду с контингентом альянса, формируемым из национальных европейских армий.

Сегодня новые лидеры Европы реанимируют бывшие проекты. Но на повестку дня выходят старые вопросы. Ведь основную бюджетную и организационную нагрузку в создании оборонного союза возьмет на себя именно Германия. И тут до реминисценций с Четвертым рейхом рукой подать. Та же ситуация и с предполагаемой должностью единого министра финансов: Германия как самая сильная экономика ЕС больше всех вкладывает в преодоление кризисов еврозоны и явно захочет в связи с этим иметь полный контроль над общеевропейскими фондами.

Другой вопрос: от кого и как будет защищаться Европа? Станет ли главной угрозой международный исламистский терроризм, или с высоких европейских трибун опять зазвучат трюизмы о «российской угрозе»? Не стоит упускать из виду, что выход из ЕС Великобритании лишит Союз одной из самых оснащенных и боеспособных армий Старого Света.

Общий сценарий «реанимирования» ЕС появится, и принципиальных идейных расхождений на этот счет в европейском истеблишменте не наблюдается. Ключевой посыл — сделать Европу более независимой от США, застраховав ее этим от непредсказуемых внутривнутриполитических поворотов и чрезмерного давления Вашингтона.

Сама Меркель в вопросе определения будущего Европы заняла выжидательную позицию, лишь на словах поддержав реформаторские устремления своих коллег. Пока у нее связаны руки — сложно предсказать, как отнесутся ее новые политические партнеры по правительственной коалиции к такому пакету преобразований.

Меркель идейно близка концепция ее французского коллеги (хотя различий с «планом Юнкера» по большому счету и нет): недавно она заметила, что «в довольно высокой степени разделяет его взгляды, а о деталях нужно говорить отдельно» [8].

Так или иначе, некий общий сценарий «реанимирования» ЕС появится, и принципиальных идейных расхождений на этот счет в европейском истеблишменте не наблюдается. Ключевой посыл — сделать Европу более независимой от США, застраховав ее этим от непредсказуемых внутривнутриполитических поворотов и чрезмерного давления Вашингтона.

Но, несмотря на все декларации, призывы о формировании единой армии и единой финансовой политики ЕС обречены остаться словами. Ведь немецкий истеблишмент трансатлантичен по своей сути. Это

закономерное следствие политики США с первых послевоенных лет. Начиная с плана Маршалла, согласно которому в восстановление западно-германской экономики были вложены громадные средства, и заканчивая размещением в стране десятков американских военных баз и одного из крупнейших зарубежных контингентов США (до 50 тыс. человек — по сравнению с 61,4 тыс. немецкой пехоты и общей численностью вооруженных сил Германии около 183 тыс. на октябрь 2017 г.). На некоторых объектах в западных немецких землях еще с 1950-х гг. хранится ядерное оружие США. Многие базы служат основой экономик близлежащих городов.

Говоря о Европе в целом, стоит вспомнить слова, приписываемые первому генсеку НАТО Гастингсу Лайонелу Исмею: «НАТО создана, чтобы держать русских в стороне, Америку — внутри, а Германию — внизу». Пока нет намеков на возможность пересмотра этого принципа.

Миграционный кризис: квоты раскололи ЕС

Нынешняя ситуация с мигрантами в ЕС, пожалуй, уже не выглядит столь катастрофичной, как летом—осенью 2015 г. Именно тогда Меркель решила в обход Дублинских соглашений открыть немецкую границу для сотен тысяч беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки. Сейчас создается обманчивое ощущение, что пик кризиса миновал, и ситуация перестала угрожать Европе гуманитарной катастрофой. Но проблема все так же далека от решения.

Кроме того, выяснилось, что далеко не все члены европейской семьи готовы идти на компромисс в вопросе распределения переселенцев из мусульманских стран. Хотя Меркель из года в год призывала найти «общее решение», система обязательных квот по размещению мигрантов расколола ЕС на запад и восток.

План по обязательному размещению беженцев был принят еще два года назад. Эту систему предложил Жан-Клод Юнкер. Обязательные квоты определялись, исходя из объема экономики, количества населения и других параметров. Больше всего мигрантов — более 40 тыс. — должна была принять Германия. Франция — более 30 тыс., Польша — более 10 тыс. Наименьшее количество мигрантов планировалось размесить на Кипре и Мальте [1]. В целом речь шла о 160 тыс. беженцев: ранее ЕС согласовал план распределения 40 тыс., теперь к ним добавились еще 120 тыс. Речь шла о зарегистрированных мигрантах, находящихся в основном в лагерях временного содержания в Италии и на греческих островах. Их число несопоставимо с числом живущих в стихийных лагерях на севере Франции, в пустыющих школах, спортзалах и брошенных зданиях в ФРГ.

Крайне резко против обязательных квот выступили Венгрия, Чехия, Словакия и Польша. Зам. главы польского МИД Ян Дзедзичак прямо заявил: «Польша просто не будет принимать исламских беженцев» [6].

Некоторые из этих восточноевропейских государств подали иски против ЕС, указывая на неправомерность квотирования мигрантов. Чтобы сократить приток беженцев, ключевые транзитные страны —

Венгрия, Словакия и Австрия — в 2016 г. закрыли так называемый балканский маршрут, по которому мигранты направлялись из Греции в другие страны ЕС.

Против не подчинившихся стран европейские официальные структуры начали процедуры «по устранению нарушений», в том числе и в судебном порядке. Но эти процедуры имеют столько оговорок и сопровождаются такими бюрократическими сложностями, что вряд ли возымеют эффект.

Нынешний приток беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки — далеко не первая, хотя и самая масштабная, миграционная волна в Европу. К примеру, Италия как основная из-за своего географического положения страна на «средиземном транзитном пути» уже много лет призывает европейское сообщество выработать механизм решения этой усугубляющейся проблемы. Но решения нет, а столь явное нежелание искать его совместно говорит о том, что идея европейского единства привлекательна, только когда речь идет о преференциях.

В Европе не слышали тревожных звонков зарождающегося миграционного кризиса. «Проблемные точки» существовали еще с 1990-х гг. Так, испанские города-анклавы Сеута и Мелилья, граничащие с Марокко, отделены от этой страны шестиметровым забором, возведенным по решению ЕС еще в 1993 г., чтобы мигранты из Центральной и Северной Африки не могли бесконтрольно попадать в ЕС.

Другая традиционно проблемная зона — граница Франции и Великобритании. Недалеко от нее во французском Кале в 2002 г. стихийно возник лагерь мигрантов, мечтавших перебраться на ту сторону Ла-Манша. К 2015 г. в нем обитало уже около 10 тыс. человек. В 2016 г. лагерь разобрали и сожгли, а проживавших там беженцев принудительно расселили. Но туда до сих пор прибывают люди и создают стихийные поселения. Можно вспомнить гигантский лагерь на итальянской Лампедузе, который СМИ окрестили «гетто XXI века».

Уже в начале 2000-х гг. стало ясно, что «средиземноморский трафик» становится братской могилой для беженцев. А с начала «арабской весны» ситуация стала неконтролируемой.

Таким образом, проблема нелегальной миграции актуальна для ЕС десятки лет. Все это время руководство Евросоюза предпочитало действовать локально, рассматривая ее исключительно как региональный вызов. Поэтому время для обдуманных и системных решений было упущено, что в прошлом году признала и Меркель, заявив, что Германия слишком долго считала мигрантов не общеевропейской проблемой, а заботой отдельных стран [2].

Пока даже контуры решения проблемы мигрантов в ЕС не просматриваются. С 2015 г. число терактов, совершенных в ЕС выходцами с Ближнего Востока и из Северной Африки, выросло в разы [10].

Резкое усиление террористической активности поставило под вопрос принцип открытых границ в странах Шенгенской зоны. Чтобы сдерживать мигрантов, в начале 2016 г. 8 из 26 стран Шенгена вернули на внутренних границах пограничный контроль. Венгрия и вовсе начала строить заградительные сооружения на границе с Хорватией и Сербией. А год

спустя на границе Дании и ФРГ без большой огласки была размещена вооруженная полицейская миссия.

В отдельных странах ЕС начинают сознавать, что благостные рассуждения о правах человека не дают оценить масштаб надвигающихся проблем. Так, по оценке директора ФСБ России Александра Бортникова, после того как боевиков ИГ¹ окончательно вытеснят из Сирии и Ирака, они будут вынуждены искать новое прибежище и новые мишени для атак. Причем «лидеры международных террористических структур широко используют миграционные потоки, что при... открытости национальных границ позволяет иностранным боевикам-террористам проникать в “страны-мишени” под видом беженцев или трудовых мигрантов» [4].

К слову, популярная в Германии партия «Союз-90/Зеленые» — категорический противник ограничительных мер в отношении беженцев, включая ежегодный лимит на прием мигрантов.

Наряду с безопасностью важны экономический и социальный аспекты миграционной проблемы. Надежды, что мигранты вольются в европейскую экономику, не оправдались. Особенно радужными были чаяния немецкого бизнеса — стоит вспомнить слова главы концерна «Даймлер» Дитера Цетше в 2015 г. о том, что мигранты помогут Германии совершить экономический рывок, сравнимый с рывком 1950—1960 гг.

Но вместо экономического чуда они легли дополнительным грузом на бюджет, — и груз этот будет лишь расти. По данным за 2010 г., когда приток беженцев не был столь высок, 24% мигрантов из африканских и ближневосточных стран живут за счет пособий. Это был самый высокий показатель среди этнических групп, просивших убежище в Германии [3. С. 78].

Пришло понимание невозможности интегрировать людей принципиально иной, неевропейской культуры. Ведь даже объединение ГДР и ФРГ не прошло безболезненно, и сегодня, спустя 27 лет, сами немцы еще ощущают разницу менталитетов.

В мире еще нет прецедента успешного решения проблемы нелегальной миграции. Так, Австралия просто не допускает нелегальных мигрантов в ее континентальную часть, разворачивая суда с беженцами или размещая их во временных лагерях на островах или в соседних странах (Папуа-Новая Гвинея, Филиппины), которые принимают мигрантов за деньги.

Европейские политики склоняются к смягченной версии австралийского варианта — на этой основе была заключена сделка по размещению мигрантов в Турции в обмен на ежегодные миллиардные вливания. Теперь в Германии звучат предложения о создании в Турции «специальных европейских экономических зон». Там могут быть созданы условия, чтобы беженцы могли искать работу и заниматься производством, окупая вложения ЕС и не становясь нагрузкой для турецкого бюджета. Правда, сложности отношений Брюсселя и Анкары делают перспективы этой пилотной идеи туманными.

¹ Деятельность организации запрещена в России.

Кризис традиционных партий: время правых и молодых

Электоральные кампании в ключевых странах ЕС обнажили новые тенденции. Потеряли избирателей старые партии — и центристские, и левые. Оглушительное поражение потерпели социал-демократы на парламентских выборах в ФРГ 24 сентября 2017 г.: там СДПГ во главе с Шульцем получила худший результат в истории — 20,5%. Антирекорд установили социал-демократы в Австрии, не дотянув до 30%. Во Франции президент-социалист Олланд так дискредитировал и себя, и партию, что не выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы в 2017 г. А кандидат от социалистов Амон даже не прошел во второй тур. Не лучше выступили и уважаемые консервативные силы старой Европы. Так, ХДС Меркель потерял почти 10% в сравнении с кампанией-2013, что стало худшим итогом с 1949 г.

Беспрецедентную популярность приобрели новые праворадикальные партии — «популисты», как называют их в Европе. До недавних пор эти силы считались абсолютно маргинальными и «нерукопожатными».

Началась волна европейского «поправления» с Австрии — в 2016 г. президентом страны чуть не стал лидер радикальной партии «Свобода» Норберт Хофер. Следующей стала Голландия, где за пост премьера отчаянно боролся правый популист Герт Вилдерс, но не смог победить. Во Франции во второй тур президентской гонки вышли баллотировавшийся от нового движения «Вперед!» Макрон и лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен. Но и тут правые остановились в шаге от высших постов.

А уже на октябрьских выборах в парламент Австрии праворадикальная партия «Свобода» заняла второе место. Ее программное требование — отмена двух правовых основ ЕС: Маастрихтского и Лиссабонского договоров. Меркель назвала это вызовом для политической системы Австрии и Европы.

Не обошел тренд на «поправление» и Германию, правда, в смягченном виде. По итогам выборов 24 сентября в бундестаг впервые прошла ультраправая сила — «Альтернатива для Германии». Она появилась лишь в 2013 г. на волне кризиса еврозоны. А уже в 2017-м, набрав 15% голосов, стала третьей силой в парламенте.

Правда, партия будет сильно ограничена в своем политическом маневре. Ведь еще до начала первой парламентской сессии другие партии отказались создавать с ней коалиции, делить места в зале, а также распределять комитеты и административные должности. Тем не менее уже само попадание правых в парламент стало прецедентом, накалившим общественные настроения.

Помимо изменений раскладов среди уважаемых парламентских партий, потесненных политическими рагвену, громко заявила о себе и радикализованная улица.

С 2014 г. в Европе активизировались правые радикалы. На фоне миграционного кризиса массовые акции стали проводить европейские идентитаристы. Они не ограничивались митингами и протестами,

а проводили кампании по «отлову» мигрантов в Средиземном море на зафрахтованных частных судах. В Германии серьезное внимание спецслужб привлекло новое движение PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»).

Европейские власти увлеклись борьбой с правым, подогреваемым антиисламистскими настроениями радикализмом. И упустили из виду левых радикалов, которые по степени агрессии превосходили правых. Это тоже явный показатель общественного запроса на обновление политической сферы.

В этом смысле многое продемонстрировал саммит «большой двадцатки» в Гамбурге в июле 2017 г. Встреча лидеров 20 ведущих экономик мира в преддверии выборов в бундестаг должна была стать визитной карточкой А. Меркель. И показать миру не только благополучную Германию, но и неопенимую роль самой Меркель как мирового посредника и переговорщика, развязывающего сложнейшие геополитические узлы. Но события на улицах Гамбурга в ходе саммита скорректировали ее планы. Два дня леваки всех мастей протестовали против глобализма, разбирая мостовые, забрасывая витрины магазинов «коктейлями Молотова», поджигая авто и вступая в жесткие стычки с полицией.

Активисты прибывали на вокзал далеко не дешевыми экспресс-поездами из нескольких европейских столиц. Многие имели «униформу» — идентичные черные куртки, брюки и балаклавы, закрывающие лицо и исключавшие возможность идентификации.

Эта тактика характерна для так называемого «Черного блока». Это не «классическое» протестное движение, имеющее четкую оргструктуру, а форма массовых выступлений: к их акциям может присоединиться в любой момент любой, желающий гарантированного приключения, нескольких дней или часов острых ощущений. Участники таких акций, как правило, особенно активно выступают в рамках больших мероприятий и праздников.

Среди левых есть как антиглобалистские радикалы, имеющие четкий перечень претензий к власти, так и анархисты, которые выступают против любой формы государственности и за бесцельное разрушение и беспорядки как процесс.

Левые хорошо организованы на основе сетевого общения и, как показал опыт Гамбурга, быстро мобилизуются, причем не только в рамках одной страны.

Правый и левый радикализм — своего рода «приключение» для живущей в благополучной Европе молодежи. Ведь «взрослеют» в Европе гораздо дольше, чем в России или США: многие лет до 35—40 числятся студентами, да и в брак обычно вступают после 30-ти.

Другая причина — запрос общества на обновление политических элит, усталость от «старых» партий, которые с каждым электоральным циклом все менее релевантны для молодого поколения. Если социал-демократы давно превратились в разновидность неолибералов, то левые до недавних пор воспринимались в качестве реальной оппозиции. Но и они утратили былую привлекательность и стали абстрактными «борцами за все хорошее против всего плохого», что не добавляет молодым веры в их возможности.

Одновременно с этим на европейском политическом небосклоне намечается смена поколений. Постепенно у руля оказываются люди, представляющие новую генерацию политиков.

Самые приметные ее представители — президент Франции 39-летний Эммануэль Макрон и новый австрийский канцлер, в недавнем прошлом — министр иностранных дел, 30-летний Себастиан Курц.

Западные СМИ делают из них политических «селебритиз». После победы Макрона о нем заговорили как о «новой опоре для ЕС». А сам Макрон делает все, чтобы это звание оправдать и так войти в историю. Американский *Fortune* недавно назвал его «самым влиятельным политиком в мире из тех, кому до 40», несмотря на падение его рейтинга внутри страны.

Курца в австрийской прессе нередко именуют «Меттернихом XXI века»² и даже «европейским мессией». А американский (опять же) журнал *Time* весной 2017 г. зачислил его в десятку «лидеров нового поколения» за «волевое решение» перекрыть балканский маршрут для беженцев.

Среди молодых звезд европейской политики можно отметить 31-летнего нидерландца Йессе Клавера — лидера партии «Зеленых левых». Его даже называли «анти-Вилдерс», так рьяно и ярко он оппонировал одиозному лидеру правой Партии свободы («голландскому Трампу», как его окрестили журналисты) Герту Вилдерсу в ходе парламентских выборов 2016 г. Его партия втрое увеличила количество мест в парламенте.

Другой видный представитель нового поколения, сниклавший популярность как у себя на родине — в Испании, так и в общеевропейском масштабе, — Альберт Ривера, каталонский политик, ярый противник независимости Каталонии. Он активно набирает очки на борьбе с коррупцией в мадридских кабинетах и имеет все шансы вскоре войти в политический мейнстрим.

Немецкие СМИ все чаще говорят о члене ХДС, 35-летнем Йенсе Шпане: этот парламентский статс-секретарь от ХДС в министерстве финансов видит себя в канцлерском кресле.

Всю политическую молодежь объединяет главное: они родились и жили уже в объединенной Европе и не привыкли мыслить в парадигме биполярного противоборства послевоенных десятилетий — «Восток—Запад», «капитализм—социализм». Именно поэтому их нельзя причислить к классическим представителям так называемых старых идеологий — консерватизму или либерализму в их традиционном понимании.

Разделение на левых и правых для них тоже уже не актуально. Они менее идеологизированны, более прагматичны. Их идеология — это «сочетание несочетаемого»: в ней есть элементы социализма, «здорового» национализма и либерального глобализма.

Глядя, как легко и Макрон, и Курц победили на выборах, кажется, что именно подобные им бросят вызов политикам старой школы. Будучи молодыми, амбициозными, харизматичными, образованными и успешными, они имеют шансы обновить Европу.

² Меттерних Клеменс фон — министр иностранных дел Австрии, главный организатор Венского конгресса 1815 г., созданного для восстановления Европы после наполеоновских войн.

Но не факт, что именно эти люди — отцы-основатели новой Европы XXI в. Ведь они плоть от плоти старых глобалистских элит. А то, с какой неохотой эти элиты делятся властью, мы видим на примере Трампа, которого республиканский истеблишмент зажал в угол и лишил возможности перековать политику на новый лад.

Рассуждая о радикальном преобразовании ЕС, его нынешние лидеры нередко оперируют устаревшими представлениями шестидесятилетней давности. Вряд ли получится строить новую Европу на старых клише эпохи биполярного противоборства.

Опытный и искушенный евроаппаратчик Юнкер, характеризуя происходящее в ЕС, заметил: «Это *музыка будущего*, и она уже звучит, только многие европейцы пока ее не слышат».

Международные отношения подходят к некоей новой фазе, но, какой она будет, пока не ясно никому. И нынешний реформаторский порыв породит дополнительные, дублирующие друг друга структуры, множащие расходы на аппарат, а дальше этого дело не пойдет — у Европы нет пока политической воли, реальных возможностей и мотивации, чтобы изменить то, что нарабатывалось как минимум тремя поколениями политиков.

Ведь речь идет о достижении предела сложившегося миропорядка, новые контуры которого пока еще не просматриваются. Ясно одно — новой Европу будут делать новые элиты. И не исключено, что пока их еще даже не видно на политическом небосклоне.

Литература

1. ЕС преодолел вето стран Восточной Европы на квоты по приему беженцев // РБК. 2017. 22.09. — <http://www.rbc.ru/politics/22/09/2015/56017c0f9a79476b8859e837> (дата обращения: 28.09.2017).
2. Меркель признала ошибки в решении кризиса беженцев // Вести.ру. 2016. 31.08. — <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2793691&cid=520> (дата обращения: 28.09.2017).
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016.
4. ФСБ: ИГ намерено создать новую всемирную террористическую сеть // ТАСС. 2017. 04.10. — <http://tass.ru/politika/4615125> (дата обращения: 28.09.2017).
5. Юнкер Ж.-К. Официальный доклад. «State of the Union 2017». Электронная версия. — https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/state-union-2017-brochure_en.pdf (дата обращения: 20.09.2017).
6. Dziedziczak: nie przyjmujemy islamskich imigrantów do Polski // Rzeczpospolita. 2017. 27.09. — <http://www.rp.pl/Polityka/170929126-Dziedziczak-nie-pryjmiemy-islamskich-imigrantow-do-Polski.html> (дата обращения: 28.09.2017).
7. Emmanuel Macron fordert Neugruendung der EU // Die Zeit. 2017. 26.09. — <http://www.zeit.de/politik/ausland/2017-09/zukunft-eu-emmanuel-macron-rede> (дата обращения: 30.09.2017).
8. Europäische Union: EU will Plan für Reformen vorlegen // Die Zeit. 2017. 29.09. — <http://www.zeit.de/politik/ausland/2017-09/europaeische-union-reform-plan-donald-tusk-tallin> (дата обращения: 29.09.2017).
9. M&M, le duo prometteur Merkel-Macron // Le Monde. Editorial. 2017. 24.06. — http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/06/24/m-m-le-duo-prometteur-merkel-macron_5150547_3232.html (дата обращения: 28.09.2017).
10. Nimmt der Terror zu? Was ein Blick auf die Statistik verrät — und was nicht // Augsburger Allgemeine. — <http://www.augsburger-allgemeine.de/politik/Nimmt-der-Terror-zu-Was-ein-Blick-auf-die-Statistik-verraet-und-was-nicht-id41595976.html> (дата обращения: 21.09.2017). ◆